

perevoda [Fatty Grief and Juicy Doublings: Towards the Semantics of Phonetic Translation]. *Khudozhestvennyy perevod i sravnitel'noye literaturovedeniye. XVI* [Literary Translation and Comparative Literature Studies. XVI]. Moscow, Flinta Publ., 2021, pp. 15–45. (In Russian).

5. Uspenskiy F.B. Grammatika kak predmet poezii [Grammar as a Subject of Poetry]. Uspenskiy F.B. *Raboty o yazyke i poetike Osipa Mandel'shtama: "Sopodchinnost' poryva i teksta"* [Works on Language and Poetics by Osip Mandel'shtam: "Subordination of Impulse and Text"]. Moscow, Foundation for the Development of Fundamental Linguistic Research Publ., 2014, pp. 68–81. (In Russian).

(Monographs)

6. Adon'yeva S.B. *Pragmatika fol'klora* [Pragmatics of Folklore]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., Amfora Publ., 2004. 312 p. (In Russian).

7. Agamben G. *Koster i rasskaz* [A Bonfire and a Tale]. Moscow, Grundrisse Publ., 2015. 192 p. (In Russian).

8. Avanesian A., Hennig A. *Metanoia. A Speculative Ontology of Language, Thinking, and the Brain*. New York; London, Bloomsbury Academic, 2018. 226 p. (In English).

9. Badiou A. *Being and Event*. New York; London, Continuum, 2006. 526 p. (In English).

10. Leving Yu. *Poeziya v mertvoy petle (Mandel'shtam i aviatsiya)* [Poetry in the Dead Loop (Mandel'shtam and Aviation)]. Moscow, Boslen Publ., 2021. 224 p. (In Russian).

11. Lichtenstein J. *The Eloquence of Color: Rhetoric and Painting in the French Classical Age*. Berkeley, University of California Press, 1993. 269 p. (In English).

12. Panova L. *Zrelyy modernizm. Kuzmin, Mandel'shtam, Akhmatova i drugiye* [Mature Modernism. Kuzmin, Mandel'shtam, Akhmatova and Others]. Moscow, Ruteniya Publ., 2021. 928 p. (In Russian).

13. Rakhimova E.G. *"Tuonel'skiye svechushki": slovesnaya izobrazitel'nost' karelo-finskikh prichitanii po pokoynym* [Tuonel Candle-lights. The Verbal Imaginary of Karelian-Finnish Lamentations]. Moscow, IWL RAS Publ., 2010. 237 p. (In Russian).

14. Regev Y. *Koinsidentologiya: kratkiy traktat o metode* [Coincidentology. A Brief Treaty on Method]. St. Petersburg, Translit Publ, 2015. 56 p. (In Russian).

15. Saussure F. *Kurs obshchey lingvistiki* [A Course in General Linguistics]. Yekaterinburg, Ural University Publ., 1999. 432 p. (In Russian).

Мерлин Валерий Вольфович

Кандидат филологических наук, независимый исследователь (Иерусалим). Научные интересы: Мандельштам, теория стиха, лингвистическая поэтика, фоносемантика.

E-mail: merlinvster@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-9327-4101

Valeriy V. Merlin

Candidate of Philology, independent researcher. Research interests: Mandel'shtam, the theory of verse, linguistic poetics, phonosemantics.

E-mail: merlinvster@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-9327-4101

М.М. Гельфонд (Нижний Новгород)

«НЕ У ТЕБЯ, НЕ У МЕНЯ – У НИХ...» О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА: ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается «Не у тебя, не у меня – у них...» – одно из наиболее «темных стихотворений» позднего О.Э. Мандельштама, написанное зимой 1936 г. в Воронеже. В полемике интерпретаторов, предлагающих социально-историческое или естественнонаучное прочтение стихотворения, традиционно не учитываются его возможные литературные источники. В качестве этих источников и вместе с тем ключей к пониманию стихотворения в статье рассматриваются произведения, ассоциативно упоминаемые в нем. Это монолог Сатина из пьесы М. Горького «На дне», разговор Пьера Безухова и Андрея Болконского из третьего тома «Войны и мира», «Слово о полку Игореве», причем последнее – в общем контексте творчества О.Э. Мандельштама периода воронежской ссылки. Особое внимание уделяется связи названного стихотворения О.Э. Мандельштама со стихотворением Е.А. Боратынского «На посев леса». Пристальное внимание Мандельштама к Боратынскому, тождество стихотворных размеров, ряд прямых текстологических переключек позволяют не только убедительно объяснить появление странного в поэтическом контексте слова «хрящ», но и восстановить лежащий в его основе текстологический казус, связанный с публикацией стихотворения Боратынского его сыном. Прочтение мандельштамовского произведения на литературном фоне в значительной степени позволяет восстановить «опущенные звенья» мышления поэта и как следствие – понять стихотворение как творческую программу, реализованную далее в «Стихах о неизвестном солдате». Сущность этой программы – в отречении от индивидуального в пользу всеобщего, которое в равной мере сулит поэту славу и гибель.

Ключевые слова: О.Э. Мандельштам; «темное стихотворение»; «Не у тебя, не у меня – у них...»; «Слово о полку Игореве»; Е.А. Боратынский; «На посев леса».

М.М. Gelfond (Nizhny Novgorod)

“Not with You, not with Me – with Them...” by O.E. Mandel'shtam: The Reading Experience

Abstract. The article discusses one of the “darkest poems” of late O.E. Mandel'shtam entitled by the opening lines “Not with you, not with me – with them...”, written in the winter of 1936 in Voronezh. In the controversy between researchers who offer a social-historical or natural-scientific interpretation of this poem, its possible literary sources are traditionally ignored. The article considers literary works that are associatively included in the text as these missing sources and at the same time the keys to understanding the poem. This is a monologue by Satine from the play by M. Gorky's “At the Bottom”, a

conversation between Pierre Bezukhov and Andrei Bolkonsky from the third volume of “War and Peace”, and “The Word about Igor’s Regiment”, which is considered within the general context of O.E. Mandelstam’s work during the Voronezh exile. Special attention is paid to the connection of the poem by O.E. Mandelstam with the poem by E.A. Boratynsky “On sowing the forest”. Mandelstam’s close attention to Boratynsky, the identity of poetic dimensions, a few direct textual references allow not only to explain convincingly the appearance of the word “cartilage”, which is strange in the poetic context, but also to restore the underlying textual casus, associated with the publication of Boratynsky’s poem by his son. Reading Mandelstam’s work within the literary background allows to significantly restore the “omitted links” of the poet’s thinking and, as a result, to understand the poem as a creative program, implemented further in “Poems about the Unknown Soldier”. The essence of this program is the renunciation of the individual in favor of the universal, which equally promises the poet his glory and his death.

Key words: O.E. Mandelstam; the “darkest poems”; “Not with You, not with Me – with Them...”; “The Word about Igor’s Regiment”; E.A. Boratynsky; “On Sowing the Forest”.

Стихотворение Мандельштама «Не у тебя, не у меня – у них...» – далеко не самое известное из произведений поэта. Оно было написано в декабре 1936 г. и чаще всего о нем упоминают как бы вскользь, соотнося с другими произведениями последней воронежской зимы. Вместе с тем оно безусловно важно и для самого Мандельштама, и для нашего понимания поэта. Декларативность и подчеркнутая афористичность стихотворения позволяют увидеть в нем своего рода творческую программу, заявленную поэтом накануне очередного перелома его судьбы:

Не у тебя, не у меня – у них
 Вся сила окончаний родовых:
 Их воздухом поющ тростник и скважист,
 И с благодарностью улитки губ людских
 Потянут на себя их дышащую тяжесть.

Нет имени у них. Войди в их хрящ –
 И будешь ты наследником их княжеств.
 И для людей, для их сердец живых,
 Блуждая в их извилинах, развивах,
 Изобразишь и наслажденья их,
 И то, что мучит их, – в приливах и отливах.
 [Мандельштам 1991, 226].
 9–27 декабря 1936. Воронеж

Как подступ к новой теме, в том числе к «Стихам о неизвестном солдате», оно было воспринято первой читательницей стихотворения – Надеждой Яковлевной. «И во “Второй тетради”, сразу с “Гудка”, возникла

тема самоутверждения поэта в поэзии. Разумом дойти до такой темы в год величайшего зажима было бы невозможно. Тема пришла сама – ведь это всегда явление, а не рациональный замысел. Вначале она звучала скрытно, пряталась за реалиями, вроде гудка, или была недосказана, как в “Не у тебя, не у меня – У них вся сила окончаний родовых...”» [Мандельштам 2014, I, 285]. Однако сам Мандельштам предложенное истолкование отверг. «“Кто это они? – спросила я, – народ?” “Ну нет, – ответил О.М. – Это было бы чересчур просто...” Значит, “они” – это нечто, существующее вне поэта, те голоса, та гармония, которую он пытается уловить внутренним слухом для людей, “для их сердец живых”» [Мандельштам 2014, I, 285].

В какой-то мере можно сказать, что последующие исследователи этого стихотворения разделились на тех, кто поддержал интерпретацию Н.Я. Мандельштам, и тех, кто в соответствии с репликой поэта начал искать иные смыслы. В числе первых был М.Л. Гаспаров, который рассмотрел стихотворение как один из шагов к еще не написанной в ту пору «Оде»: «...в строке “я узнал, он узнал, ты узнала”: в узнании и признании лица Сталина на портрете с авторским “Я” объединяются все лица глагольного спряжения. Это ощущение народа через язык, через грамматику идет от стихотворения 9–27 декабря 1936 – “Не у меня, не у тебя – у них...” <...> (Сложность, видимо, в том, что народ здесь двоится: это и предки, ставшие безымянным “хрящом”, дающим язык поэту, это и потомки, для которых говорит поэт)» [Гаспаров 2012, 137].

Мандельштамовскую версию развивает В.В. Мусатов. Согласно его интерпретации, это «стихи о связи творчества с такими глубинами жизни, которые лишены какой бы то ни было проявленности и раздельности <...>, с праосновой и праединством мировой жизни» [Мусатов 2000, 500–501]. По тому же пути – но значительно дальше – идет Ф.Б. Успенский. Он обнаруживает в стихотворении «присутствие естественнонаучной стихии» [Успенский 2016, 12] и предполагает, что «при некоторой невнимательности (как будто предвиденной поэтом) оно может быть понято в двух совершенно разных смысловых перспективах: так сказать, социально-исторической и естественнонаучной» [Успенский 2016, 12]. По его словам, «синтагмы, где упоминается *родовое, наследник княжеств*, безымянность тех, кому посвящен текст, как будто погружают слушателя в неизменный мир народной архаической традиции <...> С другой стороны, в тексте мы наблюдаем явное противопоставление загадочных *их* – роду людскому (ср. *И с благодарностью улитки губ людских / Потянут на себя их дышащую тяжесть* и далее), по крайней мере из первой строфы вроде бы следует, что *они* – это вовсе не люди. Стихотворение, тем самым, может быть прочитано <...> как гимн (беспозвоночным морским?) организмам, стоящим на предшествующих ступенях эволюционной лестницы» [Успенский 2016, 12]. Исходя из этого, исследователь объясняет появление «княжеств» сходством их с биологическими «царствами» в классификации Линнея, а родовых окончаний – с понятием рода живых организмов в биологии. По его словам, «игра с различными терминологическими рядами и различными

грамматическими возможностями местоимения позволяет заглянуть еще дальше – в стихию неоформленности и неопределенности, в мир без названий, где человеческое еще неотделимо от природного и не противопоставлено ему, в нечто более архаичное, чем архаика» [Успенский 2016, 12].

Та же идея семантического смещения – точнее, контаминации нескольких идиом – лежит в основе прочтения, предлагаемого П.Ф. Успенским и В.В. Файнбергом: «Идея наследования, связанная с образом хряща, наводит на мысль, что *хрящ* может метонимически заменять *колени*, у которого, в свою очередь, есть значение ‘разветвление рода, родословного генеалогического древа’. Таким образом, выражение *войди в их хрящ* значит ‘войди в их род’, что подкрепляется лексически и семантически близким выражением *войти в состав*» [Успенский, Файнберг 2020, 204].

Каждая из приведенных интерпретаций в какой-то мере является шагом на пути разгадки мандельштамовских стихов. При этом целостный их смысл остается либо непроявленным, либо предполагает расшифровку сложного лингвистического ребуса. При том, что общий смысл стихотворения кажется интуитивно понятным, ряд вопросов, порождаемых им, требует по возможности непротиворечивого ответа. Однозначно ли, что слова «не у тебя, не у меня – у них» относятся не к людям, а к иным существам? Каким образом можно войти в хрящ? Почему необходимо сделать это, чтобы стать наследником княжеств – и каких именно княжеств?

Вероятно, при поиске ответа на эти вопросы имеет смысл обратиться к тому кругу литературных ассоциаций, которые могли быть в ту пору значимы для Мандельштама. Стихотворение отчетливо вписано в большой контекст русской и мировой литературы. Достаточно сказать, что «поющий тростник» третьей строки, конечно же, перекликается с Тютчевым (а через него и с Паскалем) – «*Душа не то поет, что море, / И ропщет мыслящий тростник*» // «*Есть музыкальный строй в прибрежных тростниках*» [Тютчев 2002, 142], а начало второй строфы «*Нет имени у них...*» – как с блоковским «*Нет имени тебе, мой дальний...*» [Блок 1997, 81] так и с пушкинским «*Что в имени тебе моем? Оно умрет, как шум печальный...*» [Пушкин 1948, 210]. Эти сильные отголоски чужих текстов – даже в том случае, если в стихотворении они непосредственно «не срабатывают» – дают основания прочесть неясное стихотворение на литературном фоне.

Первые две строки стихотворения подчеркнута афористичны. Это вынесенный в начало и усиленный единственной парной рифмой декларативный отказ от собственного «я» в пользу общего – родового или коллективного бытия. Природа такого отречения, да и самого метания между «я» и «мы» вполне понятна в общем контексте 1920–1930-х гг. Приведем только один пример: ищущий для себя опоры в 1917 г. Б.Л. Пастернак утверждает свое право на пролетарское сознание вопреки тем, кто себя пролетариями провозглашает: «*Про родню, про моря. Про абсурд / Прозябанья, подобного каре. / Так не мстят каторжанам. – Рубцуй! / О, не вы, это я – пролетарий*» («*Я их мог позабыть*») [Пастернак 2003, 182]. Оценивая ситуацию задним числом, Н.Я. Мандельштам писала о том, что «потеря

“я” – не заслуга, а болезнь века» [Мандельштам 2014, II, 31]. При том, что рассуждения о необходимости самосохранения или самоотречения были своего рода общим местом, можно предположить, что у мандельштамовской формулы были два важных литературных аналога или претекста.

Первый из них – широко растиражированный к середине тридцатых годов сатинский монолог о человеке из пьесы М. Горького «На дне»: «*Что такое человек?.. Это не ты, не я, не они... нет! – это ты, я, они, старик, Наполеон, Магомет... в одном!*» [Горький 1963, 139]. Очевидно, что мандельштамовская формула опровергает парадоксально-риторический ход горьковской пьесы: «*Не у тебя, не у меня – у них...*». Носители истины – те самые «они» – для Мандельштама действительно существуют, в их пользу он готов отказаться от рифмы как поэтического дара («вся сила окончаний родовых»), слиться с ними и растворить свое «я» в общем хоре – но в нем же и обрести тот новый голос и то новое слово, которые волнуют всех и важны для всех.

Значительно ближе, чем к горьковской декларации, мандельштамовское утверждение оказывается к одному из эпизодов «Войны и мира». Отвечая наивному в военных вопросах Пьеру и опираясь на собственный опыт Шенграбена и Аустерлица, Андрей Болконский говорит о том, что «успех никогда не зависел и не будет зависеть ни от позиции, ни от вооружения, ни даже от числа; а уж меньше всего от позиции. – А от чего же? – От того чувства, которое есть во мне, в нем, – он указал на Тимохина, – в каждом солдате» [Толстой 1951, 212]. Отметим, что произносит эти слова князь Андрей («*Войди в их хрящ – И будешь ты наследником их княжеств*»). Разумеется, формулы соотношения «я», «ты» и «они» и в этом случае далеко не идентичны: Андрей Болконский не отказывается от своей правоты и правоты соучастника беседы, но объединяет их с правотой иной, общей, как бы растворенной в сознании каждого. В том случае, если мандельштамовское стихотворение действительно откликается на этот эпизод, важными для него оказываются не только слова князя Андрея, но и реакция на них Пьера и Тимохина, их улыбки как форма благодарности за верно понятное и высказанное чувство (очевидно, что «улитки губ людских» у Мандельштама – это тоже улыбки). Чуть раньше, чем князь Андрей произносит свой монолог, Пьер обращается к Тимохину со «снисходительно вопросительной улыбкой» [Толстой 1951, 210], а в то время, когда Андрей говорит, Тимохин смотрит на своего полкового командира «робко и беспрестанно оглядываясь», «испуганно и недоумевая» [Толстой 1951, 211–212]. Тимохин благодарен князю Андрею за то, что тот смог выразить все, о чем он думал, но не мог претворить в слово. Безымянность же, о которой далее идет речь у Мандельштама, как бы подхватывается полусном-полуоткровением Пьера, в котором на первый план выступают странные и неведомые «они»: «*Слава Богу, что этого нет больше, – подумал Пьер, опять закрываясь с головой. – О, как ужасен был страх и как позорно я отдался ему! А они... они все время, до конца были тверды, спокойны...*», – подумал он. *Они* в понятии Пьера были солдаты – те, ко-

торые были на батарее, и те, которые кормили его, и те, которые молились на икону. Они – эти странные ему неведомые они ясно и резко отделялись в его мысли от всех других мыслей» [Толстой 1951, 293]. Обращение Мандельштама к «Войне и миру» может показаться мало мотивированным (и действительно, у нас нет прямых свидетельств о перечитывании Толстого в Воронеже), но «Стихи о неизвестном солдате», которые Мандельштам начнет писать несколькими месяцами позже, – достаточно сильное свидетельство толстовского присутствия в мандельштамовских размышлениях о ходе истории.

Полусказочный сюжет об обретении наследником княжества может, разумеется, опираться отнюдь не только на роман Толстого (где условное «княжество» – семья, дом, место в истории – обретает совсем не князь Андрей, а граф Безухов). Вероятно, не менее важный источник размышлений о князе и княжестве – это «Слово о полку Игореве», по-своему подсвечивающее весь воронежский период жизни Мандельштама. По воспоминаниям Н.Я. Мандельштам, «в короткий период от тридцатого года до ссылки О.М. вплотную занялся древнерусской литературой. Он собрал летописи в разных изданиях, “Слово”, конечно, которое он всегда очень любил и знал наизусть...» [Мандельштам 2014, I, 330]. Незадолго до воронежской ссылки, в декабре 1933 г. реминисценции из «Слова...» появились у Мандельштама в переводах из Петрарки «Как соловей сиротствующий славит...» и «Промчались дни мои, как бы оленей...» (вариант) [Мандельштам 1991, 360, 363], затем – в реквиеме Андрею Белому: «Меня преследуют две-три случайных фразы – / Весь день твержу: печаль моя жирна...» [Мандельштам 1991, 204]. Восходящий к «Слову о полку Игореве» образ степи как враждебного пространства, «земли незнаемой», возникает в одном из первых стихотворений «черноземного цикла» «Я живу на важных огородах...» [Мандельштам 1991, 213]. Но уже в следующем – «Я должен жить, хотя я дважды умер...» [Мандельштам 1991, 213] над ним открывается «небо, небо – твой Буонаротти!». Лежащая под «итальянским» небом воронежская степь во многом подталкивает Мандельштама к переосмыслению места ссылки; «Слово...» оказывается – хотя бы отчасти – шагом к оправданию воронежской земли. В «Стансах» «Слово о полку...» названо прямо – «Как “Слово о полку” струна моя туга» [Мандельштам 1991, 218]: принимая для себя решение «жить, дыша и большевее», Мандельштам ищет для себя ту опору, которой становится в живущий массовом сознании текст неизвестного автора – то есть тоже в каком-то смысле становится безымянным наследником княжеств. При всей пронизанности воронежской лирики Мандельштама «Словом о полку Игореве» ни в одном стихотворении, кроме «Не у тебя, не у меня – у них...» ни князь, ни княжество не называются – но и после этого стихотворения мотивы, связанные со «Словом...» уходят из лирики Мандельштама окончательно.

Не менее важным представляется нам и сюжет, стоящий за словом «хрящ» – с одной стороны, отчетливо непоэтическим, с другой – не менее отчетливо мандельштамовским. Из тридцати вхождений в поэтическом

корпусе до 1937 г. четыре приходится на Мандельштама (с такой же частотой это слово встречается еще и у Андрея Белого). При этом именно у Мандельштама слово полисеманлично: «хрящом» в разных контекстах может быть назван и аналог косточки («То ундервуда хрящ: скорее вырви клавиш – / И шучью косточку найдешь» [Мандельштам 1991, 113]; или в переводном тексте «Хрустит душистый рябчик и голубиный хрящ» [Мандельштам 1991, 113]), и обозначение пространства. Именно так обстоит дело в наиболее близком по времени созданию стихотворении «Разрывы круглых бухт, и хрящ, и синева...» [Мандельштам 1991, 250] – оно написано в начале 1937 г. Значение слова в разбираемом стихотворении очевидно неоднозначно: оно может предполагать и вхождение в «плоть и кровь», в скелет, в состав, принадлежащий неизвестным «им» [Успенский, Файнберг 2020, 204], и вхождение в принадлежащую опять же «им» землю. Второе – вкупе с пятистопным ямбом, которым написано стихотворение Мандельштама, – приоткрывает еще одно значимое пересечение. Речь идет о позднем, «предытоговом», стихотворении Боратынского «На посев леса», которое знаменует ситуацию, строго говоря, противоположную описанной у Мандельштама: поэт не обращается в поисках правды к неизвестным «им», а напротив, разрывает все отношения со своими читателями, предпочитая пути поэта земледельческий труд: «Ответа нет! Отвергнул струны я, / Да кряж иной мне будет плодоносен! / И вот ему несет рука моя / Зародыши елей, дубов и сосен» [Боратынский 2012, 115]. В пользу этого предположения свидетельствует и еще одна буквальная переключка: «Летел душой я к новым племенам, / Любил, ласкал их пустоцветный колос; / Я дни извел, стучась к людским сердцам, / Всех чувств благих я подавал им голос» [Боратынский 2012, 115] – «И для людей, для их сердец живых, / Блуждая в их извилинах, развивах, / Изобразишь и наслажденья их, / И то, что мучит их, – в приливах и отливах» [Мандельштам 1991, 226].

Если последнее предположение верно, то здесь мы имеем дело со своего рода историко-литературным казусом. Дело в том, что в рукописи Боратынского относительно отчетливо читается «кряж» (и начиная с двухтомника Гофмана – вплоть до новейшего академического собрания, в большинстве изданий принят этот вариант [Бодрова 2012, 116–124]). В копии же, сделанной Настасьей Львовной Боратынской, слово читалось как «хрящ» – и этот вариант вошел не только в первые посмертные публикации, но и в ряд последующих. И здесь перед исследователем неизбежно встает вопрос, в каком издании Мандельштам мог перечитывать Боратынского в Воронеже или незадолго до ссылки. В перечне книг, которые были с собой в Воронеже, составленном Надеждой Яковлевной Мандельштам, Боратынский упоминается; согласно описи книг поэта, составленных ей для Н.И. Харджиева, «всегда с собой» были «Баратынский, провинциальное изд<ание>, изд<анное> сыном, и потом новое» [Мандельштам 2017, 20]. Приведенному описанию соответствует только книга 1884 г., подготовленная сыном поэта, Николаем Евгеньевичем, и вышедшая в Казани. В стихотворении «На посев леса» там читается «кряж», и

более чем вероятно, что именно эта ошибка издателя оказалась той точкой, в которой соединились стихотворения Мандельштама и Борагынского.

Соединились – и разошлись. При всем очевидном сходстве – от редкого слова до нередкого пятистопного ямба – смыслы двух стихотворений абсолютно различны. Там, где у Борагынского шла речь об обиде на современников и как следствие – абсолютном разрыве с читателем, у Мандельштама речь идет об обретении того слова, которое действительно найдет свой отзыв. И «кряж» оказывается здесь отнюдь не «коленом», а той самой «землей», о которой незадолго до этого было сказано: «Да, я лежу в земле, губами шевеля...» [Мандельштам 1991, 214].

Все приведенные параллели, возникающие при чтении ассоциации и возможные источники стихотворения – при несомненном их различии – кажется, сходятся в одном. Они фиксируют важную переломную точку, в которой совершается или категорический отказ от общего с другими людьми пути (именно об этом спорит Мандельштам с Борагынским) или, напротив, его утверждение и обретение (так происходит с Пьером и отчасти князем Андреем, так, видимо, по мысли Мандельштама, *должно* произойти – хоть и не происходит – с князем Игорем, чтобы княжество было им обретено). В декабрьском стихотворении 1936 г. Мандельштам фиксирует эту точку – и в дальнейшем она в равной мере может привести к катастрофе личного небытия «Оды» и к общей правоте жертв, погибающих «гурьбой и гуртом» («Стихи о неизвестном солдате»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Блок А.А. Полное собрание сочинений: в 20 т. Т. 3. М.: Наука, 1997. 989 с.
2. Бодрова А.С. 224. «Опять весна, опять смѣется луг...» // Борагынский Е.А. Полное собрание сочинений и писем: в 3 т. Т. 3. Ч. 1. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 116–124.
3. Борагынский Е.А. Полное собрание сочинений и писем: в 3 т. Т. 3. Ч. 1. М.: Языки славянских культур, 2012. 608 с.
4. Гаспаров М.Л. О. Мандельштам: Гражданская лирика 1937 года. СПб.: Свое издательство, 2013. 168 с.
5. Горький М. Собрание сочинений: в 18 т. Т. 16. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1963. 448 с.
6. Мандельштам Н.Я. Собрание сочинений: в 2 т. Екатеринбург: Гонзо. 2014.
7. Мандельштам Н.Я. <Мандельштам – читатель> // Мандельштам – читатель / Читатели Мандельштама. Филологический сборник под ред. О.А. Лекманова и А.Б. Устинова. Серия «Modern Russian Literature and Culture: Studies and Texts». Стэнфорд: Аквилон, 2017. Т. 47. С. 15–24.
8. Мандельштам О.Э. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1 / под ред. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. М.: Терра, 1991. 599 с.
9. Мусатов В.В. Лирика Осипа Мандельштама. Киев: Ника-Центр; Эльга-Н, 2000. 560 с.
10. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 1. М.: Слово, 2003.

573 с.

11. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 3. Кн. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 635 с.

12. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 14 т. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1951. 380 с.

13. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и писем: в 6 т. Т. 1. М.: Классика, 2002. 525 с.

14. Успенский П.Ф., Файнберг В.В. К русской речи: Идиоматика и семантика поэтического языка О. Мандельштама. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 360 с.

15. Успенский Ф.Б. «Научная поэзия» Осипа Мандельштама – 2 // Троицкий вестник. 2016. № 198. 23 февраля. С. 12–13.

REFERENCES (Articles from scientific journals)

1. Bodrova A.S. 224. “Opyat’ vesna, opyat’ smeyetsya lug...” [“It’s Spring Again, The Meadow is Laughing Again...”]. Boratynskiy E.A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem* [Collected Works and Letters]: in 3 vols. Vol. 3, part 1. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul’tur Publ., 2012, pp. 116–124. (In Russian).

2. Mandel’shtam N.Ya. <Mandel’shtam – chitatel’> [Mandel’shtam the Reader]. O.A. Lekmanov, A.B. Ustinov (eds.). *Mandel’shtam – chitatel’ / Chitateli Mandel’shtama* [Mandel’shtam the Reader / Mandel’shtam’s Readers]. *Seriya “Modern Russian Literature and Culture: Studies and Texts”*. Stanford, Aquilon books Publ., 2017, vol. 47, pp. 15–24. (In Russian).

(Monographs)

3. Gasparov M.L. *O. Mandel’shtam: Grazhdanskaya lirika 1937 goda* [O. Mandel’shtam: The Civic Lyrics in 1937]. St. Petersburg, Svoye izdatel’stvo Publ., 2013. 168 p. (In Russian).

4. Musatov V.V. *Lirika Osipa Mandel’shtama* [The Poetry of Osip Mandel’shtam]. Kiev, Nika-Tsentr Publ., El’ga-N Publ., 2000. 560 p. (In Russian).

5. Uspenskiy P.F., Faynberg V.V. *K russkoy rechi: Idiomatika i semantika poeticheskogo yazyka O. Mandel’shtama*. [To Russian Speech: Idiomatics and Semantics of Poetic Language of Mandel’shtam]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2020. 360 p. (In Russian).

Гельфонд Мария Марковна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Кандидат филологических наук, доцент департамента литературы и межкультурной коммуникации. Научные интересы: история русской поэзии XIX–XX вв., интерпретация поэтического текста, мемуарная проза.

E-mail: mgelfond@hse.ru

ORCID ID: 0000-0002-0865-0724

Maria M. Gelfond, National Research University Higher School of Economics.
Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Literature and Intercultural Communication. Research interests: Russian poetry of the 19th–20th centuries, interpretation of lyrics, memoirist prose.

E-mail: mgelfond@hse.ru

ORCID ID: 0000-0002-0865-0724

И.А. Кажарова (Нальчик)

СВЕТОТЕНЕВОЙ «РИСУНОК» В ПОЭЗИИ И.Б. КЛИШБИЕВА

Аннотация. В предлагаемой статье акцентируется вопрос о потенциале смысловых закономерностей, заключенных в светотеневой образности литературного произведения. На материале подстрочных переводов стихотворений малоизвестного автора адыгской литературы И.Б. Клишбиева исследуются различные вариации сочетаний образов тьмы и света, раскрывается их концептуальность. Прослеживается движение от визуальной контрастности образов тьмы и света на раннем этапе творчества к нарастанию психологической выразительности и символизации их в дальнейшем. Значения тьмы и света конкретизируются с точки зрения общекультурных коннотаций, в контексте этнической истории и мифопоэтики, но, главным образом, в контексте биографии художника. Поэзия И. Клишбиева насыщена образами света, их интерпретация обнаруживает ряд индивидуальных аспектов. Так, световые образы раскрываются в его стихотворениях через тесную связь с образами звуковыми. При этом звук может выступать в качестве характеристики света, либо располагаться с ним в одном образно-смысловом ряду. Активность тьмы, при том что ее вариации в рассматриваемом творчестве менее разработаны, а значения менее индивидуализированы, определяет мировоззренческий подтекст развития световых образов. Наиболее выразительным и информативным в плане отражения запечатленных в биографии поэта духовных эволюций оказывается образ бессильного света. Свет бессильный, не отражающийся, «звучащий», но «неслышимый» появляется в произведениях, которые предположительно можно отнести к раннему периоду творчества; отталкиваясь от обобщенных значений, он со временем преобразуется в устойчивый символ изображенного И. Клишбиевым мира, а шире – в символ его собственной судьбы.

Ключевые слова: свет; тьма; звук; Исмаил Клишбиев; образ; биография; мотив; коннотации.

I.A. Kazharova (Nalchik)

Light-Shadow “Drawing” in the Poetry of I.B. Klishbiev

Abstract. The proposed article focuses on the question of the potential of semantic patterns contained in the chiaroscuro imagery of a literary work. Based on the material of subscript translations of poems by the little-known author of Adyghe literature I. Klishbiev, various variations of combinations of images of darkness and light are investigated, their conceptuality is revealed. The author traces the movement from the visual contrast of images of darkness and light at the early stage of creativity to the increase of psychological expressiveness and their symbolization in the future. At the same time, the meanings of darkness and light are concretized from the point of view of general cultural connotations, in the context of ethnic history and mythopoetics,